

СКОМОРОШНИЧАТЬ НАС ПРИУЧИЛА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

— Даже не знаю, как обратиться: на «ты», на «вы». Вроде уже больше десяти лет знакомы, одногодки, а как сказать: Саша, Александр, Александр Васильевич. Помогите, что ли...

— Знаешь, почему-то все зрители от мала до велика, а я часто езжу на встречи в разные города, деревни, поселки, считают меня молодым, озорным, шустрым, поэтому все обращаются: Саша. Саша, ну, иногда Александр.

— Как-то Шукшину пришло письмо, которое начиналось словами: «Ну, Васька, ты даешь!». На что Василий Макарович резонно заметил, что в деревне мужика, которому за сорок, никогда не назовут Васькой, только по отчеству.

— Он абсолютно прав. Когда я на Алтай приезжаю, в свои родные места, меня все по отчеству называют, но без Александра, просто Васильич. Слово старик уже: раз седина в голове — значит, Васильич. Кстати, я очень горжусь, что являюсь земляком Василия Макаровича.

— Я знаю, что и по материнской, и по отцовской линии ты «орел степной, казак лихой». По какое колено предков помнишь?

— Ну, я очень мало знаю про предков по линии отца, но мне известно, что они из древнего казачьего рода, с Черниговщины, то есть явно от запорожцев шли. И фамилия отца была Гузев. Не Гусев, как до сих пор пишут журналисты, а Гу-

Александр ПАНКРАТОВ-ЧЕРНЫЙ

Родился 28 июня 1949 года в деревне Конёво Алтайского края.

В 1969 г. окончил актерский факультет Горьковского театрального училища, работал актером Пензенского драматического театра. В 1976-м окончил режиссерский факультет Всесоюзного государственного института кинематографии (мастерская Е. Дзигана). Работал в группах И. Гостева («Фронт за линией фронта»), А. Кончаловского («Сибиряда»). За фильм «Взрослый сын» получил почетный диплом жюри XIII Всесоюзного кино-

фестиваля в Душанбе в 1980 г. за «успешный дебют».

Перечислять все фильмы, в которых снялся этот замечательный актер, занятие неблагодарное — больше полсотни наберется.

Назовем наиболее известные: «Сибиряда» (1978); «Мы из джаза» (1983); «Зимний вечер в Гаграх» (1985); «Где находится нофелет?» (1987); «Десять лет без права переписки» (1990) и другие.

Заслуженный артист России.
Разносторонне одаренный человек.

Пишет прекрасные стихи. Член Союза писателей.

Называет себя глубоко верующим человеком. Имеет два церковных ордена — орден Чести и Святого Владимира.

Является Почетным пограничником России за роль прапорщика Марьяна в фильме «Караван смерти».

Президент национального российского фестиваля искусств «Южные ночи». Возглавляет фонд спортивного развития и социальной защиты детей-инвалидов, который называется «Наше поколение».

15–20 лет. К счастью, вся семья у меня реабилитирована. Мама — в 59-м году. Помню, как она плакала, а я спрашивал ее: «Мама, ну, а что такое реабилитация?» Я не знал, что это за слово такое. В словаре его не было. Мне десятый год шел. Толком ничего не объясняя, так как она старалась вытравить из нашего сознания с сестрой, что мы были врагами народа, сказала: «Что-чтоЕ Паспорт на руки дали». Это давало ей право выехать из нашей глухой алтайской деревни до Урала. И маме очень хотелось нас вывезти, чтобы мы с сестрой получили какое-то образование, потому что до четвертого класса мы учились в деревенской школе.

И мы выехали в Кемеровскую область к маминной тетке — Марии Алексеевне Козловой, которая тоже с 39-го по 57-й год отсидела в лагерях. В Магадане на золотых приисках работала, на рудниках, ее там вагонеткой покалечило. И она, будучи

зев. «Гузка» в переводе на русский означала зад. И я прочитал в одном из словарей, в «Казачьем лексиконе», помоему, что «гузки» — это были такие казачьи соединения, которые, когда казаки отступали в бою, то, чтобы сдерживать погоню, прикрывали зад основным своим силам, прикрывали «гузку», то есть задницу.

— А откуда тогда Панкратовы?

— Панкратовы? Я об этом вообще-то мало кому рассказывал. По материнской линии мы Токарёвы. Но имеется в виду не «токарь», который металл точит, а от слов ток, тетерева, токует. Токи — это такая казачья фамилия была. И вот в Иркутской губернии появилось целое поселение Токарёвых. Ну, и когда станцию там сделали, полустанок, его так и называли Токарёвка. А в Ростовской области есть станция с таким названием. Вот оттуда, с Дона, и пошли наши корни по материнской линии. А Токами их называли почему? Мои пра-пра-пра-предки были хорошими охотниками, били тетерева. Если ты охотой увлекаешься, то знаешь: на тетерева профессионал должен ходить. И взять его легче тогда, когда он токует, то есть поймать на свадьбе. В основном на этом и ловят.

Четыре поколения Токарёвых служили в охране государей императоров. Причем многие родственники мои принадлежали к членам личной охраны. Мой дед — Яков Трофимович имел крест Владимира за Первую мировую империалистическую войну. Кстати, одногодок Ленина, 1870 года рождения. Был в числе Георгиевских кавалеров, которые сопровождали государя императора с семьей до Тобольска в ссылку. Потом, когда их вернули в Екатеринбург, чекисты расформировали казачью охрану, и он потерял связь с однополчанами. До середины 24-го года он со всей своей большой семьей жил в Петербурге. Трое его сыновей скрывались от советской власти, потому что были офицерами белой гвардии: у Колчака, у Деникина служили. Наверное, были поводы: воевали, значит, неплохо с большевиками. Дед крепко держал всю семью, крутой был старик. После смерти Ленина решил эмигрировать через Дальний Восток в сторону Харбина. Но дошел только до Новосибирска, где и был в 27-м году арестован и сослан в деревню Конёво Алтайского края, где и я родился, и мои двоюродные братья и сестры.

Вся деревня была ссыльная. И мои дядя Семен, дядя Терентий, дядя Андрей отсидели колоссальные сталинские сроки: по

С женой Юлией и мамой Агриппиной Яковлевной

10-я годовщина ссылки. 1937 год.

Во втором ряду: тетя Анна, дядя Андрей — через три месяца их арестуют. В первом ряду: бабушка Аннушка, стоит внучка Саша, рядом дедушка — Яков Трофимович — бывший офицер царской охраны и его внук — Петя. Петя добровольцем убежал в 41-м на фронт, кавалер многих орденов, смывал кровь «позор» отца — дяди Андрея — офицера-врангелевца

уже инвалидом, после реабилитации поселилась в Кемеровской области, недалеко от города Белово, в одном из поселков городского типа. И она нас приютила в 9-метровой комнатке, в бывшем лагерном бараке. Они с мамой спали на кровати, сестра Зиночка на сундуке, где был сложен весь наш скарб семейный, а я на полу. Если кто-то ночью стучался, то мне приходилось вставать, иначе дверь не открывалась. Здесь я прожил до 14 лет. Мама устроилась работать на стройку разнорабочей, за пять лет надсадилась страшно — ну, вообще здоровье потеряла на этих работах. При строительстве дома весь мусор, кирпичи там, обломки бетона выносили женщины. Дешевый был труд и тяжелый. А она еще хвасталась: «Ой, Саня, меня бригадиром назначили». Потом дали однокомнатную квартиру. А я в это время уже поступил в Горьковское театральное училище, хотя мама всегда хотела, чтобы я обязательно стал военным. Жить приходилось на крошечную стипендию. Самым большим праздником было, когда получал от мамы с сестрой посылку с картошкой, салом и несколькими рублями.

Что касается Панкратова — первого мужа мамы, то он прошел, как говорится, хорошую советскую школу: офицер разведки был, погиб в Японии в 46-м году. Это отец моей сестры Зиночки — Иван Панкратов. Поэтому у меня сестра Зинаида Ивановна, а я Александр Васильевич. Потом мама вышла замуж за моего отца,

а его тоже репрессировали. Ну, и мама, чтобы нас не преследовали, взяла фамилию первого мужа, потому что Панкратов был советский человек, служака, офицер. Когда же меня заставляли менять фамилию, я сказал: «Нет, я ношу фамилию честного, порядочного человека, и менять ее не буду».

— **И тогда появилась приставка «Черный»...**

— Дело в том, что у меня есть однофамилец — тоже Александр Панкратов, племянник знаменитого кинооператора Тиссе, снимавшего с Эйзенштейном «Броненосец «Потемкин». Мы вместе работали на Мосфильме. Доходило до курьезов. Один раз я вместо него зарплату получил, а когда он поехал, по моему, на фестиваль в Чехословакию, — я-то невыездной был, — то в газетах напечатали его портреты, а биографию и фильмы мои. Чтобы прекратить путаницу, мы пошли на компромисс. В то время у меня волосы были черного цвета, а у него рыжеватые. Поэтому меня стали называть Панкратовым-Черным, а его — Панкратовым-Белым.

— **Цитирую Панкратова-Черного: «У нас на Алтае есть и райкины, и чаплины, и шостаковичи, потому что Алтайский край — это волшебный край».**

— (Взволнованно) Да у нас все есть на Алтае. Алтай — это, ну, я не знаю, это пуп земли, милый мой. Это же Почитай Рериха: это путь в Шамбалу через Алтай, а как же?

Леша Булдаков, Валера Золотухин, Миша Евдокимов — это все алтайские ребята. Колечка Кочегаров, царство ему небесное, недавно скончался, суперталантливейший артист был, так и не раскрылся до конца. Просто это была тайна наша алтайская. В «Обрыве» — помните Гончарова? — он сыграл. Ой, артист замечательный. Он и по жизни был с тайной, очень замкнутый образ жизни вел.

А деревню-то почему Козёво назвали? Потому что с Казахстана через Алтай чабаны казахские табуны скаковых коней гоняли. Первое поселение в нашей деревне было казачьим, а казак, как известно, на кобылу никогда не сядет, только на коне ездит.

— **С какой стороны казак к лошади подходит?**

— Что значит — с какой стороны? С левой.

— **Правильно, потому что с левой седлает.**

— Правильно-правильно. Ну, ты мне рассказываешь! Наивный. А почему у казачьего седла лука высокая, а?

— **Ну, почему?**

— Да потому, что у казака в левой руке пика, в правой шашка; а уздечку, поводья бросали на луку, чтобы они не падали, по шее не сползали. И он с пикой и с шашкой шел в атаку. Ну, это знать надо.

— **Ладно, 1:0 в твою пользу...**

— Деревня наша — это степной Алтай, где и лесов много. Там у нас и колки. Колки, знаешь, да, что это такое? Это тальник, березы, деревья группами такими растут, колками. Березки, как в хороводе стоят, словно стайка подружек-девчонок собралась на лужайке.

— **Прямо как в «Калине красной»...**

— Да, это шукшинская тема, она для меня близка и понятна. И тальник вот. Хорошее дерево. Даже есть такая знаменитая, с древности идущая былина: «Куда быки пошли? — В тальник пошли. — Зачем пошли? — Воду пить». Там, где сырость, мало солнца, в логу — там тальник. Красная сердцевина у дерева, черная кора, он влагу в себя впитывает и растет. Не очень толстое дерево, но очень вьющееся такое, как карагач какой-то. И почти неподвластен топору, его рубить сложно. Но очень жаркий, по температуре как кокс горит.

— **А как твоя режиссерская судьба складывается?**

— К сожалению, пока никак. Я задумал снять фильм по мотивам рассказов Василия Шукшина «Россия в субботу перед Е», но не могу до сих пор найти денег на съемки. Тринадцать лет я не снимаю — жду у моря погоды, но думаю, что не

«Со старшей сестрой Зиной. Платице на ней и матроска на мне — личные вещи заезжего в деревню фотографа. В этих костюмах фотографировалась вся деревенская детвора — больше было не в чем»

«Алтай. С родным братом Николаем Гузевым. На месте дома, в котором родился и жил, на фоне тополя, где я прятался от дедушкиного «воспитания»

Казахстан 1974г.
III курс ВГИКа

дождусь. У меня даже есть стихотворение на эту тему:

Приближаюсь я к морю с горем.
Волны берег к ногам толкают.
Им не надо моих историй,
Им не надо любви к Алтаю.

Ни одной своей картины, кроме «Системы «Ниппель», я не снял так, как бы я хотел. Это было все вынуждено. Пять лет сидел без дела, хотя в моем активе, когда я окончил ВГИК, уже было три работы: это учебная «Выставка», потом курсовая работа «Урок», где, кстати, девочкой совершенно, школьницей сыграла впервые Наташа Вавилова – замечательная актриса, это был ее как бы школьный дебют. И диплом по мотивам рассказа Василия Макаровича «Штрихи к портрету» – фильм, за который я 16 призов получил на всевозможных фестивалях. Кстати, за-

Размышления перед дипломным спектаклем. Впереди театр...

На родине В. Шукшина в селе Сростки Алтайского края

У пограничников на туркмено-иранской границе во время съемок фильма «Караван смерти»: стоят Б. Хмельницкий, командир «вертушки» и оператор А. Гарибян

щита была закрытая, потому что Шукшина мне запрещали снимать, я снял этот фильм подпольно, просто из уважения к памяти Василия Макаровича. И по мотивам рассказа – потому что весь рассказ не помещался в две основные части. Так мне что только не делали: почему у вас не две части, а две с половиной? На мое счастье председателем ГЭК, был Леонид Иович Гайдай, который не постеснялся прямо спросить ректора ВГИКа: «Вы, почему этот вопрос не задавали Наталье Бондарчук, у которой диплом занял три с половиной части? Почему Панкратову задаете такие вопросы?» И они все замолчали. И он мне поставил «пять», потому что актерские работы были замечательные, и по режиссуре четко все прочитано. Мало того, Леонид Иович сказал мне: «Саша, ты для меня просто открытие сделал. Я только недавно узнал, что Василий Макарович очень любил Достоевского. А ты

вот сумел какие-то взгляды Достоевского увидеть в творчестве Шукшина».

Да, об этом мало кто знал. Вы знаете, Шукшина до сих пор мало кто знает. Тарковский правильно о нем сказал как-то: «То, что написал Вася, и то, что читают все читатели, – это одна десятая часть того, о чем Шукшин думает и будет писать». И он прав, потому что Василий Макарович был очень эрудированным человеком и глубоким по знаниям. А работая над «Степаном Разиным», сколько он перекопал литературы, исторической, в частности. Мне покойный Георгий Иванович Бурков, царство ему небесное, с которым я имел счастье быть дружен, много рассказывал о нем. После Шукшина у меня ближе Буркова никого не было. Это была какая-то ниточка, которая меня связывала вообще с Россией. Среди нашей актерской братии Бурков, конечно, – это личность уникальная. О Георгии Ивановиче, я думаю, еще, может быть, и напишут. Стоит прочесть то, что Танечка, вдова, опубликовала: какой глубины был Бурков. Жора говорил мне: «Саша, нам, наверное, всю жизнь придется дурачками прикидываться, потому что умных не любят: гнобят и уничтожают. Поэтому мы хорошо справляемся с комедийными ролями: просто скоморошничать приучила действительность. А вот когда заявишь о себе, что ты что-то знаешь, в чем-то разбираешься и глубоко разбираешься, тебя начинают топтать, гнобить; ты становишься неудобоваримым, ты начинаешь мешать».

От двух мастерских меня одного направили на «Мосфильм». Но в это время меня призвали в 27 лет в армию после института.

— В каком году?

— В 76-м. Я был уверен, что меня направят в наш кавалерийский полк при «Мосфильме», где все кинематографисты служили: тот же Коля Еременко, Андрюша Ростоцкий. Я думал, что приду в кавполк, буду ухаживать за лошадьми, которых с детства любил, все-таки из казаков, с шести лет в седле. Но отслужил год в Таманской дивизии, о чем не жалею. Первый же сценарий, который я принес, зарезали, зарубили, а я сопротивлялся очень резко. Характер сволочной, дерзкий был. Поэтому все время нарывался на колкости; естественно, отвечал на резкость резко. И люди, желающие мне добра, всегда давали советы: «Саша, ну нельзя так разговаривать в Госкино. Там надо тихо разговаривать, не надо топтать ногами». Я говорю: «В тапочках, что ли, мягких ходить надо?». Помню, в Горьковском драматическом театре у нас был такой помреж, Алексей Иванович, замечательный человек, который в мягких тапочках ходил на сцене, чтобы его не слышно было, тихий такой ходил. О престарелых актрисах театра всегда говорил: «В нашем буфете колбаса так тонко нарезана, что сквозь нее видно, сколько лет такой-то актрисе». Такой с юмором был прелестный интеллигентный человек. Так вот в Госкино надо было ходить в мягких тапочках. Я этого не умел делать, поэтому первую постановку — «Взрослый сын» — я ждал три с половиной года. А это время, ну, надо было где-то чем-то заниматься. И тут мне просто крупно повезло — встретил Кончаловского.

Еще, будучи студентом, я уже был внештатным ассистентом у Андрона в группе «Сибириады». И Андрон говорил: «После окончания ВГИКа, мальчик, не думай, что тебе сразу дадут постановку, и это невзирая на твои там, так сказать, заслуги: дипломы, призы на фестивалях и прочее. Тебе придется еще походить, побегать по кабинетам». И он был прав, он-то знал лучше жизнь. А я ему: «Да как же так, Андрон Сергеевич, вы что? У меня все-таки призы, в Брюсселе я получил серебряный приз».

Он говорит: «Да мало ли где ты получил, голубчик. Кто ты такой? Ты — просто Саша Панкратов. Ты в кино-то пришел случайно. Значит, случайно будешь получать постановки, случайно тебе будут доставаться сценарии, которые будут утверждены. Ты пришел со стороны, значит, ты посторонний человек: у тебя нет ни папы, ни мамы, ни дяди, ни тети в кино, ни в министерстве культуры, ни в горкоме, ни в обкоме. Поэтому тебе трудно будет, милый мой». И он меня готовил к этому, за что ему огромное спасибо. И профессор мой Ефим Дзиган то же самое говорил: «Раз ты случайно пришел в кино — значит, ты случайный человек в этом мире. Ты со стороны пришел — значит, ты посторонний». Я думал, что это все шутки. А потом оказалось, что мордой об стену били так — мало не покажется.

Я отслужил год в армии, пришел, таскаюсь с коробками, где лежат мои учебные фильмы, показываю мастерам, говорю: «Вот, пожалуйста, посмотрите, вот какой я, такой, сякой». А работа над фильмом «Сибириада» все еще продолжалась. И у Андрона как раз лег на операцию ассистент по реквизиту. И он меня опять привлек, сказав: «Будешь на зарплате сидеть». И вот он впервые меня снял в этом фильме в небольшой роли Сашки Верхового на нефтяной вышке. Он увидел, как я этюды разные разыгрывал, хохмы. «Саша, да ты, — говорит, — актер, и неплохой». Я отвечаю: «Так у меня же актерское образование, я же около трех лет в Пензенском

«Мама, не переживай
— кормят хорошо»

С Александром
Лебедем

драматическом театре отработал, 16 главных ролей сыграл». И тогда Андрон специально для меня придумал эту роль Верхового. Так как детство мое прошло среди лагерей и заключенных, он и придумал, что Сашка Верховой на нефтяной вышке из зоны вышел. И там даже у героя Никиты Михалкова Николая Устюжанина есть текст: «Санька, не забывай, откуда ты вышел». И я хожу там бритый наголо, весь в щетине, с окурочком в зубах. Причем самое интересное: в это время я пользовался почему-то невероятным успехом у девочек. Ну, холостой там парень, и все такое. Ох, и погуляли же мы, не буду говорить с кем. Город Тверь и Томск стонали от нас. В это время Андрон мне предлагает побриться наголо. Я говорю: «Да ты с ума сошел!». То есть я понял, что просто потеряю успех у женщин. Я уперся: «Ни в коем случае». Он говорит: «Саш, ну надо по роли, понимаешь?». Я говорю: «Ни в коем случае. Меня устраивает зарплата ассистента. Не буду бриться наголо». «Хорошо, давай тогда вместе», — предлагает он. «Давай вместе, но сначала ты подстригись наголо, а потом я», — отвечаю. И Андрон пошел на это ради моего такого маленького эпизодика, хотя мог вообще выбросить его из фильма.

Самое смешное, что во «Взрослом сыне» я так же, как Андрон, уговаривал вместе с Никитой Михалковым Леночку Цыплагову побриться наголо. Уговорили Леночку, и она, бедная, побрилась. А мне потом цензура вырезала почти две трети

роли Лены. Вот было обидно. Сказали, что вообще я издеваюсь над молодежью и прочее. Я в год приносил по 12–13 сценариев, то есть каждый месяц по новому сценарию, и мне все их запрещали. Через месяц-другой с этими же сценариями запускались мои друзья, мои коллеги, у которых благополучнее все было. А я был под каким-то колпаком цензуры. Не везло.

— **А что это за история с хрусталем, которая с тобой приключилась во время учебы во ВГИКе?**

— Да, была такая история. Чуть не посадили. Мы с другом, Валей Белоноговым, провернули аферу: продали в Грузию взятый в пункте проката хрусталь. Хотели расплатиться со своими студенческими долгами, а еще купить мне зимнее пальто, а ему зимние сапоги. Было заведено уголовное дело. От срока спас отец Гали Волчек — Борис Израилевич. Он дружил со Щелоковым. Позвонил ему при нас и говорит: ну, он на «ты» был с ним: «Ты представляешь, два пацана тут, талантливые ребята, ты представляешь, чего учудили: хрусталь из проката взяли и толкнули в Грузию. Ну, талантливые, подлецы! Один к шести навар у них вышел, ты представляешь, а? Ну, талантливые подлецы! Ну, как что грозит, что грозит? От трех до пяти за мошенничество, статья институт, конечно, бросать придется. Ну, надо помочь, надо помочь. Ну, что ты, таланты, ну, таланты. Ты представь: придумать такое». Вырученные от продажи деньги мы пропили с друзьями за полторы недели. До сих пор по ВГИКу ходит поговорка: Панкратов начал пьянку в ночь с 16-го на 27-е.

— **Несмотря на свой веселый характер, мне кажется, что в большей степени ты грустный человек, в себя углубленный, хотя часто в компаниях бываешь заводилой и тамадой. Тебе знакомо слово «депрессия»?**

— Знакомо. А чего этого бояться? Я тебе подарю книгу своих стихов, ты поймешь тогда, что у меня на душе. У меня ведь были и мысли о самоубийстве.

Кстати, одну из своих передач «Окно» друг Леночки Филатова Володя Качан посвятил мне именно как поэту. В то время как раз вышла книга моих стихов, меня приняли в Союз писателей. После того как эту передачу показали по телевидению, ее закрыли. Уж, коль речь зашла о поэзии, прочитаю тебе одно стихотворение:

Возле окон фонарь повесился
И болтается на ветру.
В черном небе — ни звезд, ни месяца...
Что случится со мной к утру?
Если в доме моем, как в Отечестве,
От отчаянья и тоски
Мои мысли больные мечутся,
И, как в стены, стучат в виски.
Перед богом хочу покаяться
За содеянные грехи,
И, как будто в огонь, бросаются
Болью в сердце мои стихи.
Провалиться бы в сон кромешный
И увидеть бы рядом мать,
Прикоснуться к рукам ее нежным
И, как в детстве, вдруг зарыдать.
Но бессонница, как в больнице
Посиделка, сидит и ждет,
И надеется, что случится —
Стрелка за полночь упадет.
И тогда уже до рассвета
Будет в доме она — одна —
То дымящейся сигаретой,
То бутылкой из под вина...

— **Саша, ты глубоко верующий человек, а как ты относишься к различным гаданиям и предсказаниям судьбы?**

Когда нет проблем...

С Чаклом Норрисом на посюсок

Увлекательная беседа с Герой Шор и Михаилом Жванецким

С сыном Владимиром

— Суди сам. Сидел я как-то с Игорем Тальковым в ресторане. К нам подошел Павел Глоба и решил посмотреть наши руки. Долго смотрел и изрек: «Вы погибнете в один день и час». Мы с Игорем тогда только посмеялись. Но через полтора года я попал в страшную авткатастрофу, до сих пор не понимаю, каким чудом удалось выжить. А потом узнал, что в Питере в тот же день и в тот же час застрелили Талькова. С тех пор автомобилем боюсь...

— **В фильмах ты бьешь степ. Тебя специально учили?**

— Я его не бью. На картине «Мы из джаза» со мной занимался Алексей Андреевич Быстров, ну, а в «Зимнем вечере в Гаграх» со мной мучился уже Володя Кирсанов. Быстров придумал степ «по-панкратовски». Так никто степ не бьет, как Панкратов: понимаешь, это надо полной

ногой стучать по полу, топтать, потому что у меня нет музыкального слуха, хотя чувство ритма, как определил Кирсанов, присутствует. А поет за меня наш кинооператор Владимир Карлович Шевчик. Помнишь, в картине «Мы из джаза» я, уходя, говорю швейцару: «Прощай, Карлыч». Это подарок нашему оператору Владимиру Карловичу. Я часто во многих фильмах, где у меня есть возможность поимпровизировать, говорю: «Карлыч, ну, а ты как себя чувствуешь?». Карлыч – гениальный человек и очень музыкальный: он поет моим голосом «Прости-прощай, Одесса-мама» и песню про чемоданчик.

— Быть этого не может...

— Да, это его голос. Он удивительный слухач. Надо было найти голос между молодым Утесовым и Аркашей Северным. И Карлыч, зная творчество и того и другого, слушая записи, нашел серединку. Он вообще всеми музыкальными инструментами владеет. Подобрал из механиков и ассистентов группу: сам сидит за камерой и насвистывает мелодию, а они в этом ритме должны катить тележку.

— Не могу забыть твой пронзительный дуэт с Евстигнеевым...

— С Евгением Александровичем Евстигнеевым я познакомился в 64-м году, когда он, будучи актером театра «Современник», приехал из Москвы в Горький навестить маму. Сам он оканчивал когда-

«На обратной стороне этой фотографии надпись: «Дорогому Александру от Ангела Хранителя». Глоба ошибся, я выжил!»

С. Е. Евстигнеевым на съемках фильма «Зимний вечер в Гаграх»

Поздравление от Лидии Смирновой в честь юбилея

то наше театральное училище. Ну, и естественно, Виталий Александрович Лебский, тогдашний директор театрального училища, устроил творческую встречу с ним. Евгений Александрович много рассказывал нам о театре «Современник», о Ефремове, Табакове, Галине Волчек — тогдашней своей жене. Самое интересное: меня с этой встречи выгнали, и я все три с половиной часа, что она длилась, просмотрел и прослушал, стоя за дверью нашего маленького актового зальчика, в щелочку дверную. А выгнали меня, потому что я отрастил длинные волосы — ну, мы тогда все были поклонники «Битлз». А я в первый ряд сел с этими космами до плеч, потому что тогда я впервые видел живого известного артиста. Лебский начал свою речь так: «У нас в гостях Евгений Александрович Евстигнеев, выпускник нашего театрального училища», — и вдруг меня увидел с длинными волосами и говорит: «Так, мальчик, тебя как зовут-то?» Я

говорю: «Шура Панкратов». «Вон из аудитории, вон. Подстрижешься — тогда приходи», — и выгнал. И вот, стоя за дверью, я подумал, что надо извиниться перед артистом, что все так неловко получилось. И когда Евгений Александрович вышел из аудитории после этой встречи, я подошел к нему и, плача, — ну, мальчишка был, Господи, неполных 14 лет, — говорю: «Евгений Александрович, простите меня Христа ради за мои длинные волосы. Я больше не буду такие носить, я коротко подстригусь». Он рассмеялся и спросил: «Мальчик, тебя как зовут?» Я говорю: «Саша Панкратов». «Саша, ты думаешь, тебя Виталий Александрович выгнал за длинные волосы?». «Конечно», — отвечаю. Он говорит: «Нет, за контраст». «То есть?». «Ты посмотри на меня». А он был лысый. «Я знаменит и лыс, как бильярдный шар; а ты садишься в первый ряд с такими космами, хотя тебя еще никто не

знает. Вот когда, — говорит, — станешь знаменитым, — тогда и будешь себе позволять ходить таким лысым, как я, или таким же длинноволосым, как ты сейчас. Вот за контраст, за контрастность тебя и выгнали». Да, но он меня запомнил. И потом, когда я с другом приехал в Москву на зимние каникулы, и прорвался к нему в театр, он меня сразу узнал: «О, смотри, подстригся», и несколько раз проводил нас на спектакли в «Современник». Это удивительный был человек. Он мне всегда говорил: «Саша, не забывай: мы с тобой из одного гнезда», то есть из Горьковского театрального училища.

— Пора закругляться, а я тебе еще и половины вопроса не задал. Поэтому не прощаюсь, а говорю: «До новой встречи!»

— Так тому и быть.

Беседовал Анатолий МАЛЮГИН